

АСТРАХАНСКИЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ
ВѢДОМОСТИ.

10 ноября

1917 года

ГОДЪ ХЛІІ

Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ 2 раза въ мѣсяцъ 10 и 30 чиселъ въ размѣрѣ 2 печатныхъ листовъ.

Подписка принимается въ редакціи Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ духовномъ училищѣ. Подписная цѣна 6 р. Печатаніе объявленій по особому соглашенію.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

1) Перемѣны по службѣ.

Опредѣлены: а) на вакантную должность Епархіальнаго Миссіонера, съ 1-го ноября сего года, кандидатъ богословія Левъ **Кунцевичъ**, 16 октября.

б) на діаконскія вакансіи: къ церкви села Плодовитаго, Чернояр. у., состоящей на псаломщической вакансіи при церкви села Началова, Астрах. у., діаконъ Михаилъ **Юрковъ**, 24 октября; къ церкви Ханской Ставки, въ Киргизской степи, заштатный діаконъ Алексій **Конусовъ**, 2 ноября.

Перемѣщены на псаломщическія вакансіи: къ Покровской церкви гор. Астрахани псаломщикъ Казанской церкви поселка Баскунчака, Енот. у., Михаилъ **Мальковъ**, согласно прошенію и избранію прихожанъ, 19 октября; къ церкви села Барановки, Краснояр. у., вр. и. д. псаломщика церкви села Промысловки, Астрах. у., Леонидъ **Грузиновъ**, 31 октября; одинъ на мѣсто другого, согласно прошенію, псаломщики: Покровской церкви села Пришиба, Царев. у., Александръ **Алимовъ** и церкви села Абганерова, Черноярск. у., Іоаннъ **Буровъ**, 31 октября; къ церкви станицы Замьянской, Астрах. у., діаконъ—псаломщикъ церкви села Телячьяго, Красн. у., Александръ **Поновъ**, согласно прошенію, 3-го ноября; къ церкви села Тинкова, Астрах. у., и. д. псаломщика церкви села Уваровъ, того же уѣзда, Михаилъ **Андреевъ**, согласно прошенію, тѣмъ же званіемъ, 7 ноября.

Назначены: а) вр. и. д. псаломщика церкви села Мултановки, Красн. у., Василій **Копечкинъ**, 30 октября.

б) къ рукоположенію во діакона съ оставленіемъ на занимаемомъ псаломщическомъ мѣстѣ псаломщикъ кладбищенской Духосшестввенской церкви гор. Астрахани Аполлинарій **Фаворскій**, 3 ноября.

Утверждены въ должностяхъ: а) *смотрителя* Болхунскаго церковно-свѣчнаго склада, Енотаев. у., діаконъ Евфимій **Полетаевъ**, 2 ноября.

б) *штатныхъ псаломщиковъ:* церкви села Уманцева, Черноярск. у., и. д. псаломщика Іоаннъ **Марченко**, 25-го октября; и. д. псаломщика церкви села Кормового, Чернояр. у., Іосифъ **Чухнинъ**, 29 октября.

в) *церковныхъ старостъ:* церкви села Ивановки, Енотаев. уѣзда, Кирилль **Костинъ**, 26 октября; церкви села Чагана, Астрах. у., Прокопій **Арефьевъ**, 31 октября.

Закрѣта штатная діаконская вакансія при Іоанно-Богословской церкви села Пролейки, Царев. у., 24 октября.

Уволенъ заштатъ, согласно прошенію, состоящій на псаломщической вакансіи при церкви станицы Замьяновской, Енот. уѣзда, діаконъ Даниль **Королевъ**, 23 октября.

Отяжелены отъ и. д. псаломщиковъ: церкви села Чапурниковъ, Чернояр. у., Иванъ **Щибиревъ**, 28 октября; церкви села Вышки, Астрах. у., Борисъ **Вахановъ**, 25 октября.

Исключенъ изъ списковъ за смертію, 22 октября, священникъ Покровской церкви села Пришиба, Царев. у., Павелъ **Рязанскій**, 30 октября.

Пренедано Архипастырское благословеніе Преосвященнаго Епископа Митрофана, 24 октября, попечителямъ церковнаго совѣта церкви села Уманцева, Черноярск. у., Александру **Жукову** и Ивану **Сологубу 1-му** за ихъ усердіе къ храму Божию и труды по постройкѣ церковной ограды и священническаго дома.

Объявлена благодарность Епархіальнаго Начальства, 29 сентября, Василю **Ильину** и Павлу **Тюфееву**, за пожертвованіе изъ личныхъ средствъ и сборъ пожертвованій на устройство иконостаса въ Введенской церкви гор. Астрахани, и мѣстнымъ священникамъ Петру **Діаконову** и Θεодору **Степанову** за сборъ пожертвованій на тотъ же предметъ.

2) Праздныя мѣста.

Наименованіе мѣсть	По штату положено			Домъ для подлежащаго лица	Жалованье		Земли для причта		Прихожанъ православн. обоего пола	Раскольник. обоего пола	Расстояние верст, отъ мѣста.
	Свящ.	Діак.	Псал.		Казен.	Общ.	Пахат.	Сѣпок.			
Священническія.											
Пос. Казанка, Цар. уѣз.	1	--	1	Цер.	600 р	200 р мис Ком	—	—	154	--	60
С. Колобовкѣ, Цар. у. . .	2	1	2	Цер.	300 р	—	33 д	33 д.	5048	—	34
С. Завѣтномъ, Черн. у. . .	2	1	2	Цер.	—	—	99 д.	—	5570	45	56
Хут. Букатинѣ, Царев. у.	1	—	1	Общ.	450 р	—	—	—	1411	—	48
С. Терновой Балкѣ, Цар. у.	1	1	1	Общ.	300 р	100 р	33 д.	32 д.	1486	—	55
С. Ноннѣ-Шире, Черняр. у.	1	—	1	Комит.	300 р	300 р Комит	71 д. 200 с.	27 ц. 1700 с.	1313	4	35
С. Пришибѣ, Покр. ц. Цар. у.	1	—	1	Общ.	—	—	120 д	12 д.	2081	—	40
Діаконскія											
Епотаевскомъ соборѣ. . . .	2	1	2	Собор	150 р	—	—	—	2700	10	14
С. Ганюшквинѣ, Красн. у.	1	1	1	Цер.	150 р	—	—	—	1780	268	13
С. Кресты, Черн. уѣз. . .	1	1	1	Общ.	300 р	—	133 д 69 с.	—	4879	3	67
С. Яндыкахъ, Астр. уѣз.	1	1	1	—	200 р	—	69 д. 360 с.	29 д. 2040 с.	2810	—	13
С. Валуевкѣ, Черн. уѣз.	1	1	1	Цер.	150 р	40 р.	—	99 д.	3037	—	63
С. Киселевкѣ, Черн. у. .	1	1	1	Цер.	150 р	—	—	99 д.	5015	151	57
Сл. Капустиномъ Яру при Никол. ц. Цар. у. . . .	3	1	3	Цер.	68 р 60 к	—	—	32 д.	4478	--	32
С. Четырехъ буг., Астр. у.	2	1	2	Цер.	100 р	—	—	—	1746	—	12
С. Приютномъ, Чер. уѣз.	1	1	1	Общ.	150 р	42 р.	—	170 д	2762	16	70
С. Садовомъ Чернояр. у.	1	1	1	Общ.	150 р	54 р.	90 д. 1052 с.	10 д. 1056 с.	2608	—	48

Псаломщическія

С. Началовѣ, Астрах. уѣз.	1	1	1	Цер.	100 р	—	—	—	2148	—	12
Астр. Землед. Колоніи .	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
С. Промысловкѣ, Астрах. у.	1	1	1	Общ.	100 р	66 р. 67 к.	46 д.	14 д.	3373	13	150
С. Солодушинѣ, Цар. у. . (2 вакансіи).	2	—	2	Церк	100 р	—	33 д.	—	3124	—	588
Ст. Колановской, Енот. уѣз.	1	1	1		100 р	—	—	—	1792	—	170
С. Вышкѣ, Астрахан. уѣзд.	1	—	1	Церк	100 р	100 р	—	—	1864	—	120
Черноярскомъ соборѣ. . . .	2	1	2	Собор	125 р	—	—	—	4842	10	252
С. Троицкомъ, Чернояр. у.	1	—	1		100 р	100 р	99 д.	—	1264	2	650
С. Леничевѣ, Астр. уѣз.	1	—	1	Общ.	100 р	112 р 50 к.	16 д. 1200 с.	16 д. 1200	1838	—	165
С. Колобовкѣ, Царевск. у.	2	1	2	Цер.	100 р	—	33 д.	33 д.	5048	—	345
С. Уварахъ, Астрах. уѣз.	1	1	1	Цер.	100 р	—	—	66 д.	1661	—	40
С. Ново-Никольск., Пар. ц., Царевск. уѣз.	1	1	1	Общ.	100 р	—	60 д. 1573 с.	60 д. 50 с.	3848	18	477
С. Разинъ Бугоръ, Астр. у.	1	—	1	Общ.	100 р	100 р	—	—	642	—	60
Сл. Владиміровки, Владим. церк., Царевск. уѣз. . .	2	1	2	Церк.	100 р	—	—	132 д.	3246	—	280
С. Телячьемъ, Краснояр. у.	1	—	1	Цер.	100 р	—	—	—	2182	6	130
С. Баскунчакѣ, Казан.ц.Енот.у.	1	—	1	Церк.	200 р	—	288 д.	10 д.	888	—	290
С. Чапурникахъ, Черн. у.	1	1	1	Церк.	150 р	—	10 д.	8 д.	2584	458	375

ВЪ АСТРАХАНСКОМЪ ДУХОВНОМЪ УЧИЛИЩѢ

состоитъ вакантной штатная должность учителя пѣнія. Плата за 14 уроковъ въ годъ 1050 руб. и прибавка на дороговизну 660 р. Лица съ образованіемъ не ниже средняго имѣютъ права на пенсію.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

На современныя темы.

Несправедливое обвиненіе.

Какъ часто случается у насъ въ Россіи слышать страшныя рѣчи о нашей церкви!

Люди, которые вѣдятъ, что есть у нихъ благороднаго и святаго, обязаны исключительно ей благотворному вліянію, сплотивъ и рядомъ относятся къ ней не только съ предубѣжденіемъ и недоувѣріемъ, но и съ прямымъ осужденіемъ и рѣзкой укоризной.

Грустно бываетъ слушать такіа рѣчи, какъ грустно видѣть сына, когда онъ, выйдя изъ-подъ гостепріимнаго крова родительскаго дома, гдѣ провелъ когда-то свое дѣтство, съ презрѣніемъ смотритъ на скромную обстановку и на простые, чуждые вкраивной изысканности обычаи родной семьи своей, такъ заботливо и любовно воспитавшей въ немъ лучшее украшеніе человека — благородство духа.

По еще печальнѣе и грустнѣе слышать укоризненные рѣчи и слова отъ людей, которые, выросши и воспитавшись въ лонѣ церкви, остаются въ ней не въ качествѣ простыхъ рядовыхъ членовъ, а въ качествѣ учителей вѣры, къ голосу которыхъ прислушиваются и съ мѣшаніемъ которыхъ считаются.

Конечно, чувство истины и справедливости требуетъ безпристрастнаго освѣщенія и оцѣнки того, что происходитъ въ церкви и съ церковію, и налагаетъ обязанность на всякаго любящаго свою церковь, какъ истинную духовную мать, не скрывать ея недостатковъ, открыто выявляя ихъ, когда это необходимо для торжества истины и совершенствованія церковной жизни.

Но сколько нужно при этомъ любовной бережности и осторожности, чтобы случайно не оскорбить въ душѣ вѣрующихъ сыновъ благочестія и преданности къ несправедливо или неосмотрительно обвиняемой церкви!

Къ сожалѣнію, въ нынѣшнее время, когда слишкомъ много словъ и рѣчей произносится безъ надлежащей вдумчивости, никто какъ будто не заботится объ этомъ, и по адресу церкви раздается множество и оскорбительныхъ, и несправедливыхъ обвиненій.

Такое впечатлѣніе производитъ на читателя помѣщенная въ одномъ изъ номеровъ „Русскаго Слова“ статья профессора Петроградской дух. академіи Б. Титлинова „День покаянія“.

Статья приурочена къ дню всенароднаго покаянія въ Москвѣ, назначеннаго по призыву Церковнаго Собора, и напечатана въ номерѣ отъ 14-го сентября.

Объяснивъ значеніе „дня покаянія“, какъ дня усиленныхъ молитвъ о бѣдствующемъ истерзанномъ отечествѣ, какъ дня обращенія церкви къ народной совѣсти, авторъ говоритъ, что, по справедливому пониманію религіознаго сознанія, недугъ, переживаемый Россіею, по преимуществу духовный. „Кризисъ государственности, въ сущности, — моральный кризисъ народнаго духа. За политической борьбой скрывается не что иное, какъ великая борьба добра и зла въ челоуѣческой душѣ, эгоизма и альтруизма. Интересы личные, классовые сталкиваются въ жестокой схваткѣ съ интересами общими, надклассовыми, ограничивающими отдѣльныя эгоистическія устремленія. Происходитъ точь-въ-точь то же, что было въ эпоху великой московской смуты“.

Въ виду этого, по мнѣнію автора, совершенно правильно церковью вновь пытается, какъ триста лѣтъ назадъ, „привести къ лобному мѣсту колѣнопреклоненный, кающійся народъ. Покаяніе очищаетъ и возрождаетъ. Соборное моленіе хочетъ использовать эту возрождающую силу“.

Но „прежде всего, говоритъ проф. Титлиновъ, надо каяться самой церкви“.

Надо „каяться въ ея тяжкой винѣ передъ своимъ народомъ, передъ своимъ отечествомъ“.

Вина эта, по изображенію проф. Титлинова, дѣйствительно, тяжела. Предъ судомъ петроградскаго ученаго богослова церковью повинна въ „паденія народнаго духа, въ деморализацію широкихъ народныхъ слоевъ, перестающихъ порой чувствовать различіе добра и зла“.

Передъ нами, говоритъ онъ, „моральный кризисъ народнаго духа, крайнее развитіе индивидуализма и классоваго эгоизма, хватающагося обѣими руками за благо жизни. Для темныхъ инстинктовъ не оказывается внутреннихъ сдержекъ, для личности общественнаго воспитанія“.

И наибольшее духовное шатаніе, по мнѣнію профессора, обнаружилось среди тѣхъ элементовъ населенія, которые *до дней революціи*

были подъ опекой церкви, а не тѣхъ, которые давно вышли изъ-подъ вліянія церкви и воспитывались свѣтскою культурой. „Объявленная безбожной“ интеллигенція, культурные слои народа, во все время революціи обнаруживаетъ наибольшій государственный смыслъ и нравственную выдержку какъ въ области политической, такъ и въ экономической. Она не предъявляетъ ни непомерныхъ требованій, ни захватныхъ претензій. Тѣмъ и другимъ грѣшатъ, главнымъ образомъ, менѣе культурные элементы, чуждые культуры *свѣтской* и вѣками находившіеся на *исключительномъ* нравственномъ попеченіи церкви.

Почему же, спрашиваетъ проф. Титлиновъ, получились такіе плачевные результаты“ отъ девятистлѣтней дѣятельности церкви, которая такъ „тщательно охраняла свое вліяніе на народъ“, такъ „оберегала его отъ „тлетворной“ мірской культуры, такъ боролась за просвѣтительныя и религіозныя привилегіи“? Откуда это заставляющее подчасъ стыдливо закрывать лицо руками „трагическое нравственное банкротство“ многовѣковой работы „огромнаго института, которому царская государственность ввѣрила народное воспитаніе?“

Его нельзя объяснить неблагоприятными историческими условіями жизни. Правда, снисходительно соглашается профессоръ, „мы были бѣдны, невѣжественны столѣтіями, мы жили въ лѣсахъ и болотахъ, военнымъ станомъ“. Но это, такъ сказать, мы—русскій народъ, а не церковь (?!). „Церковь же была могучей и богатою, считалась хранительницей православія благочестивѣйшаго народа“. У нея были „церковныя школы, духовенство, монашество, всеслыный еще недавно въ церковной сферѣ епископатъ, безчисленные монастыри, поднимающіе духъ къ небу“. Следовательно, „должно было быть воспитаніе сердца“, „духовная дисциплина вѣры“, которыя могли замѣнить отсутствіе воспитанія ума и дисциплины разума. Но ничего этого у банкрота—церкви не оказалось.

Профессоръ сквозь свои мрачныя очки нигдѣ не видитъ воздѣйствія ни церковной школы и духовенства, ни монашества и всеслынаго епископата.

Нѣтъ въ русскомъ народѣ ни православія, ни христіанства, ни воспитанія ума, ни воспитанія сердца, ни дисциплины разума, ни дисциплины вѣры. „Церковная культура ничтожна, воспитательное вліяніе ея также“.

Словомъ, повсюду—одно сплошное нравственное банкротство и отсутствіе истинной культуры духа.

Напрасно иные „церковники“ склонны винить во всем интеллигенцію, упрекая ее въ разрушающей пропагандѣ, въ „развращеніи“ души народной. Ихъ упреки только сильнѣе подчеркиваютъ безсиліе и ничтожество церковной культуры и ея воспитательнаго вліянія.

„Что же это, побѣдоносно вопрошаетъ профессоръ Титлиновъ, за нравственный багажъ, который испаряется отъ пары дешевенькихъ брошюръ и десятка митинговыхъ рѣчей? Подлинная культура духа не поддается такимъ ничтожнымъ способамъ воздѣйствія, а, напротивъ, уничтожаетъ ихъ. При крѣпости нравственныхъ основъ, заложенныхъ церковію, развѣ ихъ разрушила бы *грошевая* пропаганда?“

Таково должно быть, по мнѣнію профессора Титлинова, покаянное признаніе церкви. Она должна всенародно выдать себѣ *testimonium paenitentis*, и дать торжественное обѣщаніе, возстановивъ соборныя силы, загладить старый церковный грѣхъ „соотвѣтствующими соборными дѣлами“; ибо „*соборность* должна сообщить русскому православію *жизненную силу, способную* творить жизнь“.

Не знаю, является ли обвинительный актъ проф. Титлинова противъ церкви его подлиннымъ убѣжденіемъ, служитъ ли онъ какимъ-либо „политическимъ“ цѣлямъ автора, или онъ долженъ разсматриваться, какъ своего рода *lapsus linguae*, довольно мало вѣроятный въ статьѣ ученаго профессора, но во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ признать, что дебютъ дипломированнаго публициста въ роли прокурора—обвинителя церкви не выдерживаетъ самой слабой критики.

Его обвинительный актъ и несправедливъ, и пристрастенъ, и даже сомнителенъ въ смыслѣ простой богословской грамотности.

Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, достаточно обратить вниманіе на первые слова его обвинительнаго акта.

Профессоръ говоритъ, что въ день покаянія „надо каяться прежде всего самой церкви въ ея тяжелой винѣ передъ своимъ народомъ“.

Но, спрашивается, что же это за народъ, предъ которымъ должна каяться православная церковь?

Если это—русскій народъ въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. тотъ національный коллективъ, который составляетъ русское государство во всемъ его объемѣ, то непонятно, какимъ образомъ русская православная церковь оказалась повинною предъ тѣми націями, которыя къ ней отношенія не имѣютъ, ея авторитета не признаютъ, ея вліянію не подчини-

ются, а имѣютъ свои собственные религіи и своихъ собственныхъ отвѣтственныхъ религіозныхъ руководителей.

Если же это—православный русскій народъ, то какой смыслъ имѣютъ слова о покаяніи церкви въ винѣ предъ своимъ народомъ, когда этотъ народъ и есть самая церковь, когда онъ вмѣстѣ съ іерархіей и составляетъ единое нераздѣльное тѣло церковное?

Иное дѣло, если бы Титлиновъ подъ церковью разумѣлъ учащую часть ея, т. е. іерархію. Тогда его слова имѣли бы смыслъ. Но ни откуда не видно, что такъ понимаетъ это проф. Титлиновъ. Онъ не только нигдѣ не дѣлаетъ самъ такого разграниченія, но лишаетъ права сдѣлать это и читателя, ибо обязанность „дать торжественное обѣщаніе возстановленными соборными свлами заглавить старый грѣхъ“ возлагается не на іерархію, согрѣшившую предъ народомъ, а на соборъ, т. е. на представителей и повинной іерархіи и неповиннаго народа, которому, при такомъ пониманіи слова „церковь“, нечего, казалось бы, заглаживать.

Эта непростительная для профессора неопредѣленность богословской терминологіи не есть лишь, какъ можно думать, только формальная погрѣшность. Разсужденія о ней не должны казаться оцѣживаніемъ комара, ибо она имѣетъ въ данномъ случаѣ громадное существенное значеніе.

Безразличное употребленіе проф. Титлиновымъ слова „церковь“, имѣющаго различныя значенія, ведетъ не только къ бѣльшей путаницѣ въ умахъ читающей газеты свѣтской публики, которая и безъ того, подобно салтыковскимъ пошехонцамъ, способна заблудиться между трехъ религіозныхъ сосенъ, но и подрываетъ вѣру въ родную церковь, какъ божественное учрежденіе.

Церковь, какъ коллективное богочеловѣчество, имѣетъ въ своей жизни и дѣятельности двѣ стороны: божескую и человѣческую, и приписывать русской церкви, какъ *таковой*, полное нравственное банкротство, признавать ея культуру и ея воспитательное вліяніе ничтожнымъ, значить или совершенно отрицать въ ней присутствіе божескаго пачала, или приписывать и этому послѣднему, наравнѣ съ человѣческимъ началомъ, безсиліе и банкротство.

И то и другое равносильно полному отрицанію существованія русской церкви, какъ учрежденія богочеловѣческаго.

Одно изъ двухъ: или православная русская церковь есть дѣйстви-

тельно подлинная церковь Христова, имѣеть умъ Христовъ, оживляется благодатию Св. Духа, дѣйствующаго въ ней и оживотворяющаго ее чрезъ опредѣленные видимыя средства, служащія токами благодатной силы Христовой, и тогда многоковѣковая жизнь ея не могла и не можетъ завершиться „трагическимъ нравственнымъ банкротствомъ“; или, если 900 лѣтъ церковной жизни дѣйствительно привели церковь только къ банкротству и разложенію, то ясно, что благодатная „соль“ русской церкви „обуяла“, что церковь перестала служить проводникомъ благодатнаго возрожденія и одухотворенія, лишилась силы Христовой, или, что то же, перестала быть церковію, превратилась въ обычный слабый и безжизненный институтъ человѣческій.

И мнѣ думается, что въ окончательномъ итогѣ статья профессора Титлинова приводитъ именно къ этому послѣднему заключенію.

Въ концѣ статьи онъ говоритъ, что „соборность должна сообщить русскому православію жизненную силу, способную творить жизнь“. А это что значить, какъ не то, что русское православіе, или, что то же, русская православная церковь, такой „жизненной силы, способной творить жизнь“, не имѣеть? Но, если она не имѣеть жизненной силы и не способна творить жизнь, то можетъ ли она претендовать на значеніе церкви?

Само собою понятно, такая претензія не имѣеть за собой никакихъ основаній, и по адресу русскаго православія придется только съ горечью сказать: „Уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ: всяко убо дерево, еже не творить плода добра, посѣкаемо бывасть и во огнь вметаемо“ (Матѳея 3,10).

Съ другой стороны, при чтеніи статьи проф. Титлинова, самъ собою напрашивается и другой, еще болѣе серьезный вопросъ: да существуетъ ли вообще-то церковь, какъ учрежденіе богочеловѣческое?

Если русское православное общество, *лишенное* жизненной силы и *неспособное* творить жизнь, есть *все-же* церковь, и если *жизненную* силу и *способность* творить жизнь можетъ *дать* и *даетъ* ему не Христосъ, всемогущая Глава Церкви, не всецѣльная благодать Св. Духа, въ таинствахъ церковныхъ изливаемая, а осуществленіе въ церковномъ управленіи начала соборности, то не измышленіе ли человѣческаго разума самое ученіе о церкви, какъ о носительницѣ божественнаго начала? Не есть ли она—обыкновенное религіозное общество,

сила котораго, какъ и всякаго другаго человѣческаго общества, заключается въ принципѣ коллективизма и коопераціи, въ примѣненіи въ дѣятельности демократическихъ началъ и другихъ подобныхъ идолахъ современности? А допущеніе подобной мысли, низводящей церковь на одинъ уровень съ многочисленными политическими организаціями, взаимно устраняемаго божественнаго начала церкви, не создаетъ ли изъ принципа соборности новаго кумира, который ставится, если не выше, то во всякомъ случаѣ наравнѣ со Христомъ и Его животворящею благодатію?

Свой выводъ о нравственномъ банкротствѣ церковной дѣятельности проф. Титлиновъ строитъ на такихъ шаткихъ основаніяхъ, которыя безъ особыхъ усилій рассыпаются, какъ „прахъ, его же возмечаетъ вѣтръ отъ лица земли“.

То, что проф. Титлинову благоугодно было назвать „нравственнымъ банкротствомъ“ и „моральнымъ кризисомъ народнаго духа“, на самомъ дѣлѣ представляетъ собою кризисъ совершенно иного рода.

Народный духъ остался морально такимъ же, какимъ онъ былъ и раньше. Говорить о нравственномъ банкротствѣ русскаго народа, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Это значить судить о предметѣ „по митяговымъ рѣчамъ и дешевенькимъ брошюрамъ“. Кто знакомъ съ *дѣйствительнымъ* настроеніемъ *подлиннаго* русскаго народа, а не съ выкриками обнаглѣвшихъ отъ безнаказанности *партийныхъ* ораторовъ, кто судить о дѣлѣ не по эксцессамъ темныхъ невѣжественныхъ низовъ, вдохновляемыхъ каторжниками во одеждѣ „товарищей“, и не по „подвигамъ“ иныхъ нравственныхъ отбросовъ, а по той скрытой пока въ нѣдрахъ народныхъ внутренней работѣ, которая на страницы газетъ не попадаетъ, тотъ далекъ отъ подобнаго пессимизма.

Дѣйствительный кризисъ, происходящій съ русской государственностію, есть лишь отраженіе, детонація того кризиса“, который охватилъ весь цивилизованный міръ. Это—кризисъ всего человѣчества, кризисъ и крушеніе современной міровой культуры и просвѣщенія. Это—естественное завершеніе пятивѣкового періода новой исторіи, неизбежный результатъ, прямой логическій выводъ изъ той основной идеи, которая вотъ уже пятьсотъ лѣтъ служитъ идоломъ культурнаго человѣчества и которая теперь является предъ человѣчествомъ во всей ея неприкрашенной наготѣ. (См. мою статью въ Астр. Еп. Вѣд. 1917 г. № 2—5 „Современный кризисъ человѣчества“).

Неужели профессор Титлиновъ не знаетъ, что то „крайнее развитіе индивидуализма“, которое нынѣ такъ ужасаетъ его, культивировалось вѣками?

Цѣлыя столѣтія многочисленныя поколѣнія людей воспитывались и воспитываются въ убѣжденіи, что наше я должно являться для себя единственнымъ законодателемъ, единственнымъ судьей и рѣшителемъ своей судьбы,—и профессоръ удивляется развитію индивидуализма!

Положеніе: „человѣкъ—самъ себѣ владыка“ давно уже легло въ основу повѣрныхъ ученій нравственности всѣхъ культурныхъ странъ и народовъ.

По словамъ проф. Карелина, уже у первыхъ гуманистовъ, т. е. пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, содержаніе нравственнаго ученія отличается *индивидуализмомъ* и сводится къ проповѣди *права личности на широкое удовлетвореніе всѣхъ потребностей и на полное развитіе всѣхъ ея свойствъ.*

Въ дальнѣйшемъ этотъ индивидуализмъ росъ, расширялся, углублялся и въ концѣ концовъ достигъ чудовищныхъ размѣровъ.

„Все, что вступаетъ въ жизнь, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ также *право на жизнь.* Поэтому даже *человѣкъ, рожденный быть воромъ,* является, какъ и каждый другой, *съ правомъ на раскрытіе до совершенной полноты характера своей природы, и только такимъ путемъ онъ можетъ заявить себя полною силой нравственной натурой.* Какъ о ворѣ, такъ *то же самое* слѣдуетъ сказать и о *всякомъ другомъ преступникѣ, даже о родившемся быть убійцей.*“ (Тамъ же).

Такъ учили и учатъ гуманисты. А между тѣмъ научно установлено и принято за истину учеными людьми, которыхъ никоимъ образомъ нельзя отнести къ категоріи „церковниковъ“, что гуманизмъ, появившійся въ Италіи въ XIV в., легъ въ основу „новой свѣтской цивилизаціи“, что просвѣтительное движеніе 18-го вѣка, опираясь на гуманизмъ, есть лишь видоизмѣненіе послѣдняго и что „*вся современная философія и современная наука суть только дальнѣйшее измѣненіе все того же движенія.*“ (Проф. Карелинъ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, стр. 72 и 73).

Профессоръ Титлиновъ жалуется на „отсутствіе для темныхъ инстинктовъ внутреннихъ сдержекъ“ и на деморализацію, доводящую людей „до потери чувства различія добра и зла“.

Но развѣ это не есть отголосокъ того же гуманизма, который устами Габера съ поразительнымъ цинизмомъ говорилъ: „Хороша любовь, хороша и ненависть, такъ какъ послѣдняя — вполне дозволяемый эквивалентъ тамъ, гдѣ не встрѣчаетъ отвѣта наша любовь. Хороша истина, пока доставляетъ намъ удовольствіе; но хороши и ложь, клятвопреступленіе, притворство, хитрость и лицемеріе, если они доставляютъ намъ *выгоды*... Хороша и *измѣна*, если она стоитъ по цѣнѣ выше вѣрности... Хороши обманъ, воровство, убійство, какъ скоро они ведутъ къ *пріобрѣтенію* и *наслажденію*; хороша месть, если она удовлетворяетъ наше оскорбленное самолюбіе.. хороша и супружеская измѣна для того, кому супруга уже надоѣла“ (Тамъ-же).

Справедливо негодованіе проф. Титлинова на „классовый эгоизмъ, хватающійся обѣими руками за блага жизни“.

Но при чемъ же тутъ церковь? Развѣ это—не та же вѣками проводимая гуманистическая точка зрѣнія, признающая, что „задача человѣка состоитъ въ ѣдѣ, питьѣ и мытьѣ“, что „въ этой троицѣ заключается существо религіознаго крещенія и причащенія“, что „истинныя блага... состоятъ *только* въ томъ, чтобы имѣть желѣзное здоровье и *наивозможно больше денегъ*, какъ средства для пріобрѣтенія всего, чѣмъ обладаетъ міръ“ (Тамъ же).

Скажутъ, что это—свидѣтельство „отъ виѣшнихъ“, ничего общаго съ русскимъ народомъ не вмѣющихъ.

Но развѣ наши русскіе гуманисты—Писаревъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, Шелгуновъ и другіе, на чтеніи которыхъ воспитывались многія поколѣнія русскихъ людей всякаго званія, сословія и положенія, не проповѣдовали намъ того же?

Развѣ Писаревъ не говорилъ о нравственности, добрѣ, добродѣтели и совѣсти, что „все это — мыльные пузыри, дешевыя поддѣлки настоящаго прогресса, болотные огоньки, заводящіе насъ въ трясины возвышеннаго краснорѣчія, отъ котораго не дождешься никогда ни одного луча настоящаго свѣта“ (Тамъ же)? Или развѣ не онъ видѣлъ счастье въ томъ, чтобы „освободиться отъ всѣхъ нравственныхъ законовъ и принциповъ и свободно отдаться своимъ страстямъ и похотямъ, съ цѣлю извлечь изъ жизни такое количество разумныхъ наслажденій, какое только можетъ вмѣстить человѣческая природа“ (Тамъ же)? Обратитесь, дажѣ, ну хоть къ Шелгунову. Развѣ онъ не проповѣдовалъ открыто,

что „добро въ экономическомъ смыслѣ есть выгода, зло — убытокъ; въ физическомъ отношеніи добро есть пріятное ощущеніе, а зло — ощущеніе непріятное; въ примѣненіи къ общимъ человѣческимъ отношеніямъ добро и зло слѣдуетъ понимать, какъ пользу и вредъ“?

„И что еще глаголю? Не достанетъ бо ми повѣствующу времени“ о многочисленномъ сонмѣ другихъ подобныхъ учителей пересаженной на русскую почву гуманистической культуры, которая, благодаря ихъ стараніямъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе проникала въ средніе и низшіе слои въ видѣ разнаго рода религіозныхъ, нравственныхъ, соціальныхъ и политико-экономическихъ ученій.

Что же удивительнаго, если это систематическое растлѣніе, расшатавъ въ душахъ русскихъ людей то, что связываетъ звѣря въ человѣкѣ, подѣ влияніемъ неудержимо хлынувшей на народъ революціонной разнуздаанности, порвало въ известной части его „внутреннія сдержки для темныхъ инстинктовъ“ и вызвало цѣлый рядъ дикихъ эксцессовъ и преступныхъ дѣяній?

Но, слава Богу, дѣло еще не такъ безнадежно. „Внутреннія сдержки“ далеко не совсѣмъ порваны даже въ душѣ тѣхъ, которые поддались въ весьма значительной степени очарованію гуманизма.

И среди нихъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ профессоръ Титлиновъ, „интересы личные, классовые сталкиваются въ жестокой схваткѣ съ интересами общими, надклассовыми, ограничивающими отдѣльныя эгоистическія устремленія“.

Есть еще, значитъ, порохъ въ пороховницѣ моральнаго духа и у зараженной части русскаго народа. И она не сдаетъ безъ ожесточеннаго боя старыхъ позицій христіанской нравственности.

И если бы само, *до корня волосъ* зараженное гуманизмомъ и совершенно разслабленное духомъ правительство не оказывало моральнаго содѣйствія анархія и разложенію своимъ послабленіемъ и не ставило тормазовъ здоровымъ элементамъ, превращающимся нерѣдко въ его испуганномъ воображеніи въ контръ-революціонеровъ, кто знаетъ, можетъ быть, кризисъ уже разрѣшился бы благополучно и въ такъ называемой революціонной демократіи.

Но пусть даже „революціонную демократію“ постигнетъ полный и окончательный крахъ. Можетъ ли это служить показателемъ краха русскаго народа и воспитавшей его православной церкви? Развѣ партій-

ная „революціонная демократія“ и русскій народъ—одно и то же?

Помимо пресловутой „революціонной демократіи“, есть и иная, болѣе многочисленная, болѣе истинная, подлинно отражающая „моральный духъ“ народа, нетронутая революціоннымъ растлѣніемъ демократія. Стоя доселѣ внѣ классовой борьбы и политическихъ страстей, чуждая классовыхъ и партійныхъ программъ, она *пока* выжидаетъ *исхода* настоящей политико-экономической вакханаліи и накапливаетъ опытъ и энергію для того, чтобы въ надлежащій моментъ громко сказать свое слово и выступить въ качествѣ дѣйствующей силы на арену русской исторіи.

Это—вѣрующая, церковная, христіанизованная демократія, та самая демократія, которая подлинно находилась подъ *исключительнымъ* нравственнымъ воздѣйствіемъ церкви.

Профессоръ Титлиновъ думаетъ, что ея наиболѣе коснулись разруха и разложеніе, что она полна деморализаціи; что въ ея средѣ порвались „внутреннія сдержки для темныхъ инстинктовъ“.

Но подобное утвержденіе совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

И это доказать тѣмъ легче, что самъ профессоръ опровергаетъ его собственными устами въ той же статьѣ „День покаянія“, когда говоритъ, что „будутъ каяться тѣ, кто *меньше* *вспыхъ* грѣшилъ“, т. е. „вѣрующіе (церковные) элементы, для которыхъ не потерялъ силы *религіозный стимулъ*“, и что, наоборотъ, призывъ „едва ли долетитъ“ до тѣхъ, кто болѣе всего грѣшилъ, кто „кружится въ водоворотѣ современной политики и дѣлаетъ новую исторію“. Эти болѣе грѣшившіе элементы профессоръ прямо называетъ „демократіей, въ руки которой попали судьбы Россіи“, и говоритъ, что „ея путь идетъ по линіи матеріалистическихъ идеаловъ и точки соприкосновенія его съ путемъ церковнымъ почти отсутствуютъ“.

Если же такъ, если „менѣе всего“ грѣшили „вѣрующіе элементы“, т. е. тѣ, которые] „находились подъ *исключительнымъ* воздѣйствіемъ церкви“, и если, наоборотъ, болѣе всего грѣшившіе элементы почти не имѣли даже соприкосновенія съ путемъ церковнымъ, то какое же имѣетъ право проф. Титлиновъ утверждать, что „наибольшее духовное шатаніе“ обнаружилось „среди тѣхъ, которые до дней революціи были

подъ опекой церкви“, и что они, главнымъ образомъ, „грѣшатъ“ и непомерными требованіями и захватными претензіями“?

Развѣ это—не явное противорѣчіе?

Но утвержденіе проф. Титлинова противорѣчитъ и фактамъ дѣйствительности.*

(Окончаніе будетъ).

К. Перевозниковъ.

Неотложныя задачи настоящаго грознаго момента.

Ни для кого уже не тайна, что нѣмцы болѣе не скрываютъ своихъ плановъ по захвату Петрограда, этого „русскаго окна“ въ Европу и всего нашего Балтійскаго побережья. А какъ знать, что врагъ, въ случаѣ успѣха, опьяненный побѣдами, не двинется и къ сердцу Россіи, послѣднему оплоту Русскаго народнаго духа—первопрестольный Москвѣ!?

И тогда все можетъ погибнуть!..

И вотъ, что-же теперь дѣлать предъ лицомъ столь грозной возможной опасности!—Неужели въ безсиліи опускать руки, лишь только охая да вздыхая? Нѣтъ, отнюдь нѣтъ! „Мокрую и раскрылившуюся курицу и воропа клюетъ“. Сего да не будетъ! Что русскому по плечу, то нѣмцу—смерть“, говоритъ испытанная мудрость народная.

Повелительно настало время—мощно встряхнуться всей Россіи и дружно стать всему народу на защиту Родины и свободы.

Такъ сплотимся же тѣснымъ кольцомъ, прежде всего, дорогіе сограждане, и съ полнымъ довѣріемъ объединимся вокругъ нашего временнаго Верховнаго Правительства, ставшаго во главѣ спасенія Россіи,—всячески поможемъ ему въ такія тяжелыя, роковыя минуты и словомъ, и дѣломъ.

Въ частности. Дорогие защитники родины, наши христовлюбивые воины! Брѣпко стойте противъ врага! Не попустите ему восторжествовать надъ дорогою отчизной! Вѣримъ и надѣемся, что съ восторгомъ и лаврами мы будемъ встрѣчать васъ, какъ побѣдителей въ конечномъ исходѣ войны, при возвращеніи вашемъ на родину, а не со срамомъ и позоромъ, какъ разгромленныхъ ненавистными тевто-

нами. Дайте же врагу хорошій урокъ, чтобы „впередъ ему не повадно было.

Дорогіе товарищи—рабочіе! Въ изобиліи снабжайте Русскую армію боевыми снарядами и оружіемъ, ибо помимо личнаго мужества для побѣды это дѣло необходимое. Вѣдь сами знаете, съ голыми руками безъ снарядовъ и оружія, борьба не возможна. Всѣмъ извѣстна былая воинская доблесть русскаго солдата, пусть узнаетъ міръ и не меньшую патриотическую доблесть русскаго рабочаго. И мы также восторженно будемъ привѣтствовать и васъ, дорогіе товарища, какъ тыловыхъ побѣдителей. Поработайте же со всѣмъ напряженіемъ на оборону отчизны, не теряя ни одной, столь дорогой, свободной минуты у вашихъ рабочихъ станковъ!

А мы, *любезные сограждане*, дадимъ деньги и средства на изготовленіе такъ необходимыхъ орудій и боевыхъ снарядовъ—будемъ охотно подписываться на *Заемъ Свободы*, всякій—кто сколько можетъ по своей совѣсти свободнаго гражданина!

Пахари—хлѣборобы, помѣщики и землевладельцы!

Теперь же поставляйте весь избытокъ хлѣба для арміи и нищущаго населенія и не оставляйте безъ обработки и обѣмненія ни одной полосы земли,—сами знаете, какъ это важно и необходимо.

О. о. пастыри духовные, г. г. учителя и учительницы народныя! Помогите и вы во всемъ, чѣмъ для васъ доступно—и личнымъ участіемъ, и словомъ убѣжденія, въ особенности, среди сельскаго населенія, въ массѣ котораго вы, несомнѣнно, представляете живую и дѣйственную моральную силу!

Словомъ, немедленно-же оставимъ всѣ наши внутреннія недоразумѣнія и разногласія предъ лицомъ общей грозной вѣншей опасности, сплотимся всѣ въ единую дружную народную семью—безъ различія званій, народности, исповѣданія, классовыхъ соотношеній—и тогда намъ не страшень будетъ никакой врагъ, ибо „въ единеніи—сила“.

Въ противномъ же случаѣ и дома наши, имущество, земля, лѣса и поля,—все это легко можетъ сдѣлаться добычею нашихъ хищныхъ и беспощадныхъ враговъ, а насъ „свободныхъ русскихъ гражданъ“ постигнетъ неизбѣжная и горькая участь „нѣмецкихъ рабовъ“.

Рѣчь предъ молебномъ по случаю открытія Реального училища въ гор. Енотаевскѣ, 15-го октября сего 1917 года.

Мы, други мои, собрались нынѣ сюда на торжество открытія въ нашемъ городѣ средняго учебнаго заведенія—Реального училища. Событіе это безъ сомнѣнія важное и знаменательное въ жизни нашего края. Въ чемъ же именно важность и значеніе его? Нынѣ въ жизни нашего края совершается просвѣтительное движеніе, прогрессъ; мы обогащаемся новымъ, болѣе основательнымъ, разсадникомъ просвѣщенія, созидаемъ у себя болѣе высокій храмъ науки; теперь свѣтъ знанія, образованія, еще въ большей степени озаритъ нашъ край, чѣмъ онъ озарялъ до сего времени. Нынѣ у насъ по справедливости торжество науки, свѣта надъ тьмою, образованія надъ невѣжествомъ!

Что образованіе, просвѣщеніе—великое дѣло, въ этомъ конечно никто изъ насъ не можетъ сомнѣваться. И если издавна народная мудрость говорить, что ученье свѣтъ, а неученье—тьма, то теперь это чувствуется еще сильнѣе и неотразимѣе. Нынѣ пастойчиво проводится у насъ идея всеобщаго обученія, образованія,—чтобы сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ и облегчить его всѣми способами. Въ образованіи, просвѣщеніи, заключаются наши духовная мощь и сила. И это несомнѣнно такъ, потому что вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ развиваются и укрѣпляются нравственныя, моральныя силы и способности человѣка, сердечныя его чувствованія, желанія и стремленія, изъ которыхъ слагается духовно-нравственный обликъ человѣка, его жизнь и дѣятельность. Образованіе совершенствуетъ духовную природу человѣка, развиваетъ, просвѣщаетъ и укрѣпляетъ его духовныя силы и способности, облагораживаетъ ихъ, воспитываетъ его въ чувствахъ добра, истины, чести, долга, порядка и законности. Поэтому открываемое нами учебное заведеніе несетъ нашему краю свѣтъ, просвѣщеніе, умственное, духовное развитіе и совершенствованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что молодое наше поколѣніе жаждетъ все большихъ и высшихъ познаній и научныхъ свѣдѣній, и нашъ святой долгъ придти въ этомъ ему на помощь и удовлетворить эту его потребность, жажду; не оставить его на нисшей ступени развитія и образованія, а дать возможность получить и среднее образованіе, а затѣмъ открыть ему доступъ и къ выс-

шему образованію. Въ наше время жизнь предъявляетъ намъ такія требованія, запросы и цѣли, какія усвоить, обнять и осилить съ низшимъ образованіемъ и знаніемъ нѣтъ возможности. Нынѣ образованіе требуется возможно основательное и полное, безъ этого человѣкъ безпомощное, бѣдное и жалкое существо. И если бы въ нашемъ отечествѣ образованіе, умственное развитіе стояли на должной высотѣ, хотя бы на той, на какой онѣ стоятъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, да если бы мы въ достаточной мѣрѣ проникнуты были ученіемъ Христа, усвоили Его завіты, идеалы, то мы не дошли бы до такого бѣдственнаго и гибельнаго состоянія, въ какомъ находимся въ настоящую пору. Только благодаря нашей необразованности умственной неразвитасти, нашей—невоспитанности, да отсутствію въ насъ высшихъ христіанскихъ идеаловъ истины, правды, добра, сдѣлалось возможнымъ то, что мы сейчасъ наблюдаемъ и переживаемъ. Въ массѣ своей мы, напримѣръ, не поняли и не уразумѣли завоеванной нами свободы, превративъ ее въ произволь и разнузданность. Мы забыли или даже совсѣмъ не знаемъ, что настоящая истинная свобода, заповѣданная намъ Христомъ, состоитъ въ удаленіи отъ зла, грѣха и беззаконія, и въ пребываніи нашемъ въ правдѣ, истинѣ и благочестіи, Ибо кто дѣлаетъ грѣхъ, беззаконіе, сказалъ Спаситель нашъ, тотъ уже не свободенъ, тотъ рабъ грѣха. Если бы мы знали все это, то и поступали бы такъ. Но нѣтъ въ насъ, въ большей части, достаточнаго понятія о своемъ долгѣ, своихъ служебныхъ, общественныхъ обязанностяхъ, высшихъ духовныхъ идеалахъ, стремленіяхъ и желаніяхъ; нѣтъ возвышеннаго благороднаго порыва, истиннаго патриотизма, духовнаго единенія, сплоченности, дѣятельной самоотверженной любви другъ къ другу, и своему Отечеству,—той любви, какую заповѣдалъ намъ Христосъ. Мы руководимся больше личными, эгонстичными стремленіями, интересами и расчетами, живемъ несогласіями, распрями, враждою, неправдою, озлобленіемъ и коварствомъ. А это больше оттого, что мы недостаточно духовно развиты, умственно просвѣщены и невоспитаны. Оттого и неудачи наши въ настоящей жестокой войнѣ, нестроенія и непорядки въ нашей арміи и въ тылу, повсемѣстная разруха, захваты насилія, звѣрства вплоть до кошмарнаго убійства. Правда, мы теперь какъ будто торопимся, спѣшимъ насадить у себя просвѣщеніе, народное образованіе, но настоящій круговоротъ жизни влечетъ насъ все

больше къ ослабленію, духовному и матеріальному об'ѣдненію и гибели. И великая милость намъ будетъ отъ Промыслителя всѣхъ Бога, если мы устоимъ въ настоящихъ испытаніяхъ, съумѣемъ преодолѣть надвинувшіяся на насъ тяжкія бѣды и несчастія.—Вотъ, други моя, гдѣ кроется причина настоящаго нашего бѣдственнаго, гибельнаго состоянія; вотъ какую великую силу и значеніе имѣетъ вообще образованіе, просвѣщеніе. Поэтому, какъ намъ не радоваться и не торжествовать при учрежденіи и открытіи у насъ новаго разсадника просвѣщенія и знанія? Пусть лучи его озаряютъ свѣтомъ знанія нашъ родной край, пусть онѣ просвѣщаютъ и согрѣваютъ молодое поколѣніе наше во славу Божию и на пользу нашего Отечества! Воздадимъ же глубокую и искреннюю благодарность нашимъ общественнымъ организаціямъ—Земству и Городскому Управленію, за ихъ отзывчивость, стараніе и теплую заботу въ насажденіи просвѣщенія и образованія въ родномъ нашемъ краѣ, а также выразимъ душевную благодарность и признаніе всѣмъ дѣятелямъ, кои такъ или иначе потрудились въ созданіи и открытіи средне-учебнаго заведенія на благо и пользу населенія нашего края. Вознесемъ же Господу Богу благодаренія и славословія за всѣ Его милости и щедроты, явленные намъ въ созданіи и учрежденіи нами новаго, болѣе высокаго, разсадника знанія и науки, и испросимъ у Него помощи на дальнѣйшіе наши труды въ благоустроеніи учебнаго заведенія—Реальнаго Училища. Благословеніе Божіе да будетъ надъ нашимъ новымъ храмомъ науки во вѣки! Прот. В. Иконницкій.

Патріаршество.

Вопросъ о возстановленіи патріаршества въ русской Церкви, поставленный на Соборѣ въ отдѣлѣ о высшемъ церковномъ управленіи, рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Православная русская Церковь управляемая Всероссійскимъ Церковнымъ Соборомъ, возглавляется патріархомъ.

Патріархъ—это живой и одушевленный образъ Христа, душа церковно-общественной организаціи, ея главный посылатель, выразитель и руководитель. Въ лицѣ патріарха чада Православной Церкви обрѣтутъ своего духовнаго отца, поставленнаго Богомъ, защитника и попечителя

о своихъ душахъ, авторитетнаго блюстителя свободы и независимости Церкви. Патріархъ, какъ предстоятель Церкви, сосредоточитъ въ своемъ лицѣ великую духовную силу Христовой Церкви, *объединяющую* всѣхъ ея членовъ въ живой союзъ братской любви, единомыслія и солидарности.

Въ патріаршествѣ должна укрѣпиться истинная свобода вѣрующаго народа, несмотря на всѣ невзгоды и нестроенія нашего времени. Въ немъ народная совѣсть найдетъ утѣшеніе и облегченіе, станетъ искать отрады въ глубинѣ религіозныхъ упованій. Подъ бдительнымъ и авторитетнымъ руководствомъ предстоятеля Церкви станетъ просвѣщаться религіозное народное сознаніе въ духѣ православія. Къ патріаршему престолу православный народъ станетъ нести церковно-религіозныя нужды, желанія и стремленія, ожидая отсюда правды, покровительства и защиты отъ неправды, насилія и неизбѣжныхъ въ обществѣ злоупотребленій.

Въ возстановленія у насъ патріаршества нельзя видѣть уклонъ въ сторону папизма, или стремленіе единоличной власти дать верховенство въ ущербъ власти Помѣстнаго Собора. Высшее управленіе въ Православной Церкви принадлежитъ Собору. Патріарху будетъ принадлежать первенство чести, но не власти. Кругъ его дѣятельности будетъ точно опредѣленъ Соборомъ.

Въ предполагаемомъ у насъ учрежденіи патріаршества было бы также ошибочно видѣть простую реставрацію церковнаго института, уничтоженнаго Петромъ Великимъ въ 1700 году по смерти патріарха Адріана. Теперь дѣло идетъ не о возстановленіи патріаршества, а о новомъ его учрежденіи, о новой его организаціи въ соотвѣтствіи съ органическимъ и историческимъ ростомъ русской церковной жизни и съ дѣйствующей у насъ соборной формой ея устройства и управленія. Церковные круги, желающіе учрежденія въ Россіи патріаршества, считаютъ съ прогрессомъ церковной жизни и стремятся организовать одну изъ существенныхъ ея отправленій примѣнительно къ потребностямъ нашего церковнаго общества при новомъ свободномъ строѣ его жизни.

Въ организаціи у насъ патріаршества при Соборѣ сказывается желаніе православныхъ людей видѣть свою церковь славной, возвеличенной, могущественной и объединенной. (Орл. Е. В.).

Къ вопросу объ отдѣленіи Церкви отъ государства.

Совершившійся государственный переворотъ требуетъ неотложнаго рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ православной Церкви къ государству: быть ли имъ въ добромъ союзѣ, или государство должно совершенно отказать Церкви отъ участія въ строительствѣ новой жизни и освободиться отъ всякаго вліянія ея на дѣла политическія и гражданскія, предоставить Церкви полную свободу самоопредѣленія и внутренняго развитія? Вопросъ объ отношеніяхъ Церкви къ государству для той и другой стороны имѣетъ важное, можно сказать, чрезвычайное значеніе, касаясь существа ихъ жизни. Для Россіи и православія вопросъ этотъ важенъ въ особенности.

Представители всевозможныхъ политическихъ партій, убѣждений, отѣнковъ оживленно обсуждаютъ этотъ вопросъ какъ въ свѣтской, такъ и духовной прессѣ. Печать крайняго социалистическаго направленія проводитъ мысль о полномъ и безусловномъ отдѣленіи православной Церкви отъ государства, по примѣру Франціи.

Печатные органы болѣе умѣреннаго образа мыслей стоятъ за такъ называемое условное, неполное отдѣленіе.

Безусловное отдѣленіе Церкви отъ государства предполагаетъ полный разрывъ религіи съ политикою, свободное существованіе государства отъ вліянія Церкви на его гражданское и политическое бытіе. Въ частности, это отдѣленіе выражается въ передачу регистраціи рожденій, браковъ и смертей изъ рукъ духовенства въ руки свѣтскихъ чиновниковъ. Этимъ самымъ граждане освобождаются отъ какого бы то ни было давленія духовенства на свободу совѣсти и вѣры; бракоразводные процессы освобождаются отъ различныхъ условій и формальностей.

Все государственные чиновники, а также граждане освобождаются отъ присяги, замѣняемой обычно однимъ лишь торжественнымъ обѣщаніемъ служить по совѣсти и правдѣ.

Государственная школа на всѣхъ ступеняхъ своего развитія становится неконфессіональной, т.-е. въ ней не преподается Законъ Божій, какъ обязательный предметъ, и дѣти не подвергаются вліянію религіозныхъ идей до 15—14 лѣтняго возраста. Религіозное воспитаніе ввѣряется родителямъ. Первымъ государствомъ, провозгласившимъ принципъ

полнаго и безусловнаго отдѣленія Церкви, были Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Въ концѣ XVIII столѣтія Штаты объявили религію дѣломъ частнымъ, свободнымъ проявленіемъ внутренняго чувства и совѣсти, отказавъ какой-либо отдѣльной Церкви въ покровительствѣ и въ признаніи за ней господствующаго положенія, предоставивъ всѣмъ сектамъ и вѣроисповѣданіямъ одинаковыя права. Школа была объявлена неконфессіональной.

Но этотъ принципъ полнаго отдѣленія Церкви отъ государства только былъ объявленъ. Въ дѣйствительности такого отдѣленія въ Соединенныхъ Штатахъ не произошло, какъ доказываетъ это проф. Бердниковъ (Новое государство въ его отношеніи къ религіи, стр. 19).

Связь Церкви съ государствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ проявляется прежде всего въ празднованіи воскреснаго дня. Государство обязываетъ въ этотъ день прекращать торговлю, закрывать библіотеки, театры, цирки и всѣ питейныя заведенія. Въ 1876 году открытіе выставки въ Филадельфій совпало съ воскреснымъ днемъ, но подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія не могло состояться и было перенесено на слѣдующій день.

Торговля спиртными напитками близъ церкви воспрещена государственнымъ закономъ. Нарушенія богослуженія внутри храма или снаружи караются денежнымъ штрафомъ отъ 25—500 долларовъ, или тюремнымъ заключеніемъ.

На судѣ и при поступленіи на государственную службу считается обязательнымъ призванія имени Божія. Открытіе засѣданій конгресса и законодательныхъ собраній предваряются молитвою. При арміи, флотѣ, тюрьмахъ и при нѣкоторыхъ государственныхъ учрежденіяхъ состоятъ капелланы съ содержаніемъ отъ государства.

Всѣ мѣста богослуженій и церковная собственность освобождены отъ податей и повинностей, какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ. Въ низшихъ школахъ обязательно преподается Законъ Божій. Высшія и среднія школы носятъ явный отпечатокъ религіознаго образованія и воспитанія.

Въ Бельгіи законъ отдѣленія Церкви отъ государства проведенъ также своеобразно и неполно. Тамъ ни одна Церковь не пользуется особыми привилегіями: каждой изъ нихъ предоставлена свобода самоуправленія и развитія. Но государство обязано содержать служителей хри-

стіанскихъ и даже іудейскихъ церквей на государственный счетъ и платить имъ пенсіи.

Наиболѣе послѣдовательно принципъ полнаго отдѣленія Церкви отъ государства проведенъ во Франціи, но съ характеромъ полнаго контроля правительства надъ дѣятельностью Церкви. *О свободѣ Церкви во Франціи говорить нельзя; христіанскія общества, особенно католичество, находятся скорѣе въ состояніи гоненія.*

Въ 1905 году министерство Комба особымъ закономъ сравняло католичество съ другими вѣроисповѣданіями, подвергнувъ дѣятельность его *строгому государственному контролю*. Всѣ церковныя имущества были отобраны и конфискованы; запасные капиталы по новому закону не должны превышать определенной суммы (ст. 23); всякія религіозныя процессіи и собранія происходятъ по особо выработаннымъ постановленіямъ.

Даже колокольный звонъ подверженъ регламентаціи (ст. 28).

Воспитаніе молодого поколѣнія въ духъ того или иного вѣроисповѣданія строго воспрещается до 13—14 лѣтняго возраста (ст. 31).

Такимъ образомъ, въ современныхъ государствахъ полнаго отдѣленія Церкви нѣтъ. Въ однихъ изъ нихъ Церковь находится въ добромъ союзѣ, воспитывая гражданъ въ христіанскихъ началахъ и получая за это матеріальную поддержку со стороны правительства; въ другихъ, какъ, на примѣръ, въ Англіи, Церковь занимаетъ господствующее положеніе. Только во Франціи Церковь находится въ состояніи гоненія. Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, кто говоритъ, что такое положеніе Церкви содѣйствуетъ ея развитію и преуспѣянію. Состояніе гоненія для развитія высокихъ христіанскихъ истинъ неестественно. Оно препятствуетъ христіанизации массы въ широкихъ размѣрахъ. Устраненіе духовенства отъ воспитанія дѣтей въ христіанскомъ духѣ является насиліемъ надъ Церковью, нетерпимымъ и недопустимымъ въ христіанскомъ государствѣ. Паденіе нравственности во Франціи ясно говоритъ о вредѣ такого гоненія на Церковь.

Русскому православному народу необходимо остановиться на одномъ изъ принциповъ отдѣленія Церкви отъ государства: на полномъ или условномъ. Полный принципъ отдѣленія, какъ мы видѣли, ведетъ къ насилію государства надъ Церковью, къ гоненію вѣры. Такого отдѣленія многомилліонный православный народъ не можетъ допустить, потому

что это будетъ насиліемъ надъ нимъ, униженіемъ его среди другихъ малочисленныхъ инородцевъ. 121 милліонъ имѣеть право ставить свою Церковь и вѣру въ достойное положеніе и въ благопріятныя условія для развитія христіанскихъ началъ и проведенія въ жизнь народной массы высокой нравственности.

Православная Церковь должна получить полную автономію во внутреннемъ своемъ управленіи, свободу въ ученіи и воспитаніи юношества путемъ школы. Государство обязано давать средствъ на содержаніе духовенства и на школы, потому что воспитаніе гражданъ съ христіанскихъ православныхъ началахъ цѣнно не только само по себѣ, но и въ государственномъ отношеніи. Понятія православный и русскій стали синонимичными. Для нашего простого крестьянина быть русскимъ значить въ то же время быть и православнымъ. Отдѣлить одно отъ другого, по нашему глубокому убѣжденію, значить сдѣлать насиліе надъ совѣстью и вѣрою 121 милліона русскаго народа, являющагося основнымъ ядромъ государства и творцомъ его жизни и исторіи.

Церковь православная должна занять первое положеніе среди всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій, пользоваться покровительствомъ правительственной власти, во главѣ которой долженъ стоять непременно русскій православный человѣкъ.

Имущества церкви остаются неприкосновенными, конфискація ихъ явится ничѣмъ инымъ, какъ посягательствомъ на достоинствѣ всего русскаго православнаго народа, любовью и трудами собиравшаго все это въ теченіе многихъ вѣковъ.

Школа церковная, какъ высшая, такъ средняя и низшая остается въ вѣдѣніи православной Церкви. На это православный народъ имѣеть неоспоримое право: *онъ долженъ воспитывать своихъ дѣтей въ томъ направленіи и духѣ, какія свойственны его природѣ.*

При новомъ положеніи православная Церковь можетъ быть унижена если ей не будетъ предоставлено право быть ^{первой} среди другихъ церквей.

Представимъ себѣ такую картину.

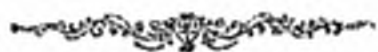
Всякія національныя и сословныя ограниченія болѣе не существуютъ. Министромъ исповѣданій, слѣдовательно, можетъ быть и нехристіанинъ. Въ передней его дожидаются и муллы, и раввинны, и шаманы, и буддійскіе ламы. Тутъ же среди нихъ съ крестомъ на груди, или съ панагіей, православный митрополитъ, представитель русскаго народа.

Министръ выходитъ и принимаетъ сначала раввина или шамана, а православный митрополитъ будетъ ждать своей очереди послѣ муллы. Допустимо ли такое явленіе въ русскомъ православномъ государствѣ? Не будетъ ли это униженіемъ епископа православной Церкви вмѣстѣ съ тѣмъ и униженіемъ всего русскаго народа?

Полагаемъ, что двухъ мнѣній по этому вопросу быть не можетъ.

У православной Церкви долженъ быть свой защитникъ интересовъ предъ правительствомъ, ею самою избираемый, а не правительствомъ назначаемый.

Великому русскому народу и его православной Церкви, должны быть отведены въ родномъ государствѣ достойное мѣсто и положеніе.

Среди газетъ и журналовъ.

„Московскія Церк. Вѣд.“ такъ изображаютъ жизнь нашего общества въ переживаемое нами время: Жалости къ людямъ не стало у насъ: начала мира, правды, любви, со креста завѣщанная намъ Богомъ, попраются дерзко. Словно тяжелый, удушливый газъ стелется духовная зараза въ мірѣ. Стыдъ и совѣсть совсѣмъ позабыты. Въ шумѣ толпы среди пѣсенъ слышимъ теперь ревъ и рычанье разъяреннаго звѣря: то въ человѣкѣ борьба пробудила звѣря инстинкты и онъ, безсердечный, холодный, суровый ко всѣмъ, является въ жизни безпощаднымъ. Нѣтъ здѣсь различья: фабрикантъ или рабочій, банкиръ или извозчикъ, крестьянинъ, купецъ,—все прельиваютъ свои аппетиты, всякій спѣшитъ въ иррѣ жизни отбить у другихъ все, что только возможно. Нѣтъ ничего святого у нихъ. Пусть къ небесамъ рвутся стоны, проклятыя лица, обездоленныхъ въ жизни. Муки страданія, слезы и печали никого не тревожатъ. „Пусть гибнетъ міръ, лишь бы я наслаждался и богатѣлъ“, стало правиломъ жизни нашихъ дѣльцовъ, нашихъ купцовъ. Война страшная, неравномѣрная. Продавецъ душитъ покупателя. У продавца сила, а покупатель безсиленъ. Правительство и разныя учрежденія хлопочуть о служащихъ, на должностяхъ состоящихъ лицахъ, стараются всячески поддержать ихъ и ихъ семейства, жалованье увеличиваютъ, единовременныя прибавки, наградныя выдаютъ,—но и это все идетъ въ пользу торговцевъ и нерѣдко сопровождается очевиднымъ вредомъ:

для торговцевъ увеличивается черезъ это составъ лицъ, съ которыхъ они могутъ получать за свои продукты большую и большую плату и, такъ обр., для нихъ открывается легкая возможность поднимать и поднимать на продаваемое ими цѣны и тѣмъ усиливать тяжесть бѣды для людей бѣдныхъ; а получающіе прибавки легко впадаютъ въ искушеніе, если не сами получающіе, то ихъ семьи, не знающія цѣны копеекъ и не понимающія трудовъ ихъ кормильцевъ, стремятся къ роскоши. И выходитъ во всякомъ случаѣ польза продавцамъ, все въ ихъ руку, а приходится бѣдствовать бѣднымъ потребителямъ, жалованья и добавокъ не получающимъ, и пенсіонерамъ, большею частью получающимъ весьма незначительную пенсію. И мародерство, какъ оказывается, во вредъ дѣйствуетъ и страдотерцамъ нашимъ, фронтовымъ нашимъ защитникамъ. Оно препятствуетъ тылу помогать и имъ и семьямъ ихъ: съ чего дашь имъ, въ самомъ дѣлѣ, помощь, когда на свою жизнь средствъ не хватаетъ? А самоубійства, а убійства, а воровство, а разбой, а мошенничество, а взяточничество безъ границъ, и измѣнничество на погибель множества людей: какія эти страшныя язвы наши! Объ ужасной войнѣ мы уже и не говоримъ: то дѣло тевтоновъ, то зло кайзера, желавшаго стать если не Богомъ, то Мессіей для евреевъ. Онъ пожнетъ плоды дѣлъ своихъ... Но мы-то сами каковы! Что творится нами!..

Но продолжимъ характеристику переживаемого времени по „Москов. Еп. Вѣдомостямъ“.

„Ужасомъ вѣетъ отъ жизни такой. Сердцу не вѣрится, что все это есть. Сномъ кошмарнымъ кажется то, чему мы свидѣтели сами. Страшно становится за душу народную. Запахъ могилы уже слышится въ ней. Плѣсенью тлѣнья страстей кровожадныхъ она покрывается. Закрыть все святое эти страсти грозятъ. И чистое, свѣтлое небо съ его безконечными далями, съ его вѣчною правдой, съ тихимъ сіяньемъ Христовой любви, просвѣщающей міръ, станетъ тогда лишь дѣтскою сказкой для насъ.“

„Чѣмъ же намъ жить? Гдѣ идеалы? Надолго ли хватитъ намъ силъ, чтобы выдержать эту жизни неправду? Что помѣшаетъ намъ тогда уничтожить другъ друга?“

„Бѣдные дѣти! Что видятъ они? Какимъ смраднымъ запахомъ дышать? Въ нихъ вѣдь надежда и благо Россіи. Что жъ ожидать она можетъ отъ нихъ? Что ожидаетъ ихъ въ жизни самихъ? Чьими усильями

возродится? Чистое, свѣтлое какъ вновь явится? Тьма безпросвѣтная имъ суждена, омутъ страданія, горя и слезъ.

„Души гнилыя для жизни общественной сами готовимъ мы въ дѣтяхъ своихъ. Вѣдь если кабакъ пль притонъ воровской кладеть тлетворный отпечатокъ на душу ребенка, то ей невозможно совсѣмъ сохраниться, живя въ атмосферѣ всеобщей разрухи духовной, среди тьму возлюбившихъ болѣе свѣта, въ безразличіи нравственномъ и въ безпринципности.

„Господи, Боже! Сжался надъ нами. Сжался надъ нами. Сжался надъ родиной нашей. Сжался надъ всею землей! Всѣхъ накажи еще большимъ страданіемъ! Пусть загремятъ Твои гнѣвные громы сильнѣе надъ нами. Только душу безсмертную свѣтлую, чистою, способной къ блаженству небесному, *ими же вѣси судьбами*, намъ сохрани!“

Изъ епархіальной хроники.

Архіерейскія служенія.

1-го октября Преосвященный Леонтій, Епископъ Енотаевскій, Викарій Астраханской епархіи совершалъ божественную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ въ сослуженіи каѳ. протоіерея І. Саввинскаго, о. ключаря протоіерея В. Карасева и священниковъ Д. Розина и І. Болтинскаго. По литургіи былъ крестный ходъ на Кремлевскую площадь, о чемъ подробнѣе см. № 20 А. Е. В.

8-го октября Преосвященный Епископъ Леонтій совершалъ божественную литургію въ Каѳ. соборѣ въ сослуженіи каѳ. прот. І. Саввинскаго, о. ключаря и свящ. П. Перфилова и Д. Розина.

15-го октября Преосвященный Епископъ Леонтій совершалъ литургію въ Каѳ. соборѣ въ сослуженіи каѳ. прот. І. Саввинскаго, о. ключаря, іеромонаха Матѳея и свящ. Д. Розина.

22-го октября Преосвященный Епископъ Леонтій совершалъ литургію въ Каѳ. соборѣ въ сослуженіи каѳ. прот. І. Саввинскаго, о. ключаря и свящ. Д. Стефановскаго и Н. Третьякова.

22-го октября въ 4^{3/4} часовъ Преосвященный Епископъ Леонтій совершалъ вечерню и чтеніе акаѳиста въ градской Тихвинской церкви въ сослуженіи о. ключаря и мѣстнаго свящ. Арк. Юдина.

29-го октября Преосвященнѣйшій Епископъ Леонтій совершалъ литургію въ Атаманскомъ Архіерейскомъ поселкѣ въ сослуженіи о. ключаря и свящ. П. Проскурякова, Б. Вѣтвицкаго и С. Аврорскаго. Послѣ литургіи Его Преосвященствомъ совершено было освященіе вновь открытаго въ поселкѣ Высшаго начальнаго училища.

5-го ноября Преосвященнѣйшій Епископъ Леонтій совершалъ литургію во Владимірскомъ соборѣ въ сослуженіи кае. прот. І. Саввинскаго, о. ключаря и свящ. Н. Галякарнасова и Д. Розина.

Вечерню въ сей день и акаѳистъ Владыка Леонтій совершалъ въ сослуженіи о. ключаря и свящ. В. Абрамова, Н. Покровскаго и В. Водопѣтова въ градской Ильинской церкви.

8-го ноября Преосвященнѣйшій Епископъ Леонтій совершалъ божественную литургію по случаю престольнаго праздника въ градской Михаило-Архангельской церкви въ сослуженіи о. ключаря и свящ. В. Смиренномудрова, Н. Покровскаго и В. Реверсова. Преосвященнымъ Епископомъ Леонтіемъ было сказано слово.

ДИРА

самый большой въ г. Астрахани и на Юго-Восточной Россіи.

ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ

граммофоновъ, патефоновъ и пластинокъ

Разнообразнѣйшій выборъ пластинокъ

ДУХОВНАГО ПѢНІЯ

Знаменитыя концертныя

ПИАНИНО „СМИДТА и ВЕГЕНЕРА“

Лучшія изъ существующихъ — Единственныя, вполнѣ замѣняющія рояль. Цѣна 575 и 650 руб.

Допускается разсрочка отъ 15 р. въ мѣсяцъ.

Сравнительно не дорогая цѣна и указанная разсрочка даютъ возможность и лицамъ съ небольшими средствами приобрести эти чудныя піанино.

ДЕШЕВЫЯ ПИАНИНО

въ 350 и 400 рублей.

РАЗСРОЧКА ОТЪ 10 РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ

окончательно уничтожаетъ прокатъ. — Теперь піанино доступно всѣмъ!

МОСКОВСКАЯ ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Н. Н. ШЕПЕЛЕВА

переведена въ МОСКВУ

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ иконостасовъ, кіотъ
съ иконами и безъ иконъ. Деревянное рѣзное
облаченіе на престолы и жертвенники, золоченіе
главъ и другія церковныя подряды.

АДРЕСЪ: Москва, у Креста, уголъ Мал. Переяславки и
2-го Крестовскаго пер., соб. домъ, № 24.

Телефонъ № 3-01-79.

Содержаніе офіціального отдѣла: Епархіальныя извѣстія.—Объявленія.

Содержаніе отдѣла неофіціального: На современныя темы.—Неотложныя задачи настоящаго грознаго момента—Речь предъ молебномъ по случаю открытія Реального училища въ гор. Енотаевскѣ, 15-го октября сего 1917 года.—Патріаршество.—Къ вопросу объ отдѣленіи Церкви отъ государства.—Среди газетъ и журналовъ.—Изъ епархіальной хроники.—Объявленія.

Редакторъ *Иванъ Лютницкій.*

Астрахань. Паровая Губернская Типографія.